

УДК 398

<https://elibrary.ru/lgyrse>

ОБРАЗ ЧИСТОЙ ДУШИ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Чернова Анастасия Евгеньевна

кандидат филологических наук,

доцент кафедры филологии

Перервинской духовной семинарии,

доцент кафедры литературы

Московского государственного университета

управления и технологий имени

К. Г. Разумовского (Первый казачий
университет)

109383, Россия, г. Москва,

ул. Шоссейная, д. 82, стр. 1

E-mail: litsot@yandex.ru

Для цитирования: Чернова А. Е. Образ чистой души в русской поэзии. DOI: 10.51216/2687-072X_2025_3_235–253. EDN: LGYRSE // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2025. № 3 (32). С. 235–253.

Аннотация

Образ чистой души в русской поэзии представляет собой устойчивый нравственный идеал, восходящий к фольклору, древнерусской литературе и христианской традиции. В статье прослеживается эволюция этого образа от духовных стихов и житийной литературы до поэзии XVIII–XX веков. В фольклоре чистота души соотносится с праведностью и святостью, что отражается в пословицах («Душа чиста, как родниковая вода») и лубочных сюжетах, отсылающих к библейским образам. В древнерусской литературе чистота души связана со смирением, жертвенностью и готовностью принять мученичество, как в житиях святых князей-мучеников Бориса и Глеба или «Повести о Петре и Февронии».

В поэзии XVIII века (Ломоносов, Державин) чистая душа осмысливается в контексте бренности бытия и благодарности Богу. В XIX столетии этот мотив звучит реже, преимущественно в связи с детской невинностью (Пушкин). Однако в XX веке он обретает новую силу, становясь личным исповедальным утверждением. У Николая Рубцова, Владимира Набокова, Александра Солодовникова, Вячеслава Богданова и иеромонаха Романа (Матюшина-Правдина) чистота души – уже не только атрибут святости или

младенчества, но сознательный духовный выбор, внутренний стержень, противостоящий хаосу современной эпохи.

Особое внимание уделяется трансформации образа: от внешней характеристики («чистая душа» как свойство другого) к глубоко личному переживанию. В условиях исторических катастроф XX века поэты видят в чистоте души форму сопротивления дегуманизации, что сближает их с традицией древнерусских подвижников. Итак, образ чистой души в русской поэзии раскрывается как ключевая аксиологическая константа русской культуры, объединяющая евангельские идеалы, народную мудрость и авторское осмысление внутренней чистоты как высшей нравственной ценности.

Ключевые слова: чистая душа; русская поэзия; лирика XX века; древнерусская литература; нравственный идеал; христианские мотивы; исповедальность.

Введение

Обоснование актуальности исследования. В русской культуре с древнейших времен заложено стремление к духовной чистоте как высшему нравственному идеалу. Этот идеал находит отражение в народном сознании, религиозной традиции и литературе, формируя особый тип мировосприятия, для которого характерны ясность духовных ориентиров и бескомпромиссность в различении добра и зла. Евангельские слова: «*Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят*» (Мф. 5, 8) – становятся смысловой основой для понимания чистоты души не просто как этической категории, но как онтологического состояния, приближающего человека к Божественной истине.

В современной гуманитарной науке нередко предпринимаются попытки интерпретировать образ чистой души вне религиозного контекста, сводя его к абстрактному моральному принципу или психологическому феномену. Особенно заметна эта тенденция в исследованиях, посвященных поэзии XX века, где духовные искания авторов нередко рассматриваются сквозь призму философского экзистенциализма или культурного мифологизма, минуя их глубокую связь с православной традицией. Между тем именно в XX столетии, в эпоху мировых войн, исторических катастроф и идеологических переломов, тема чистоты души приобретает особую значимость, становясь для многих поэтов не только предметом художественного осмысления, но и личным духовным манифестом.

Цель исследования – проследить эволюцию образа чистой души в русской поэзии, начиная с фольклорных и древнерусских источников и заканчивая творчеством поэтов XX века (Николая Рубцова, Вячеслава Богданова, Владимира Набокова, Юрия Кузнецова, Александра Солодовникова, иеромонаха Романа (Матюшина-Правдина)). Особое внимание уделяется трансформации этого образа: от внешнего атрибута святости в житийной литературе и характеристики «другого» в классицистической и романтической поэзии до глубоко личного, исповедального переживания в лирике XX века.

Научная новизна работы заключается в комплексном анализе образа чистой души как сквозного мотива русской литературы, объединяющего фольклорные, религиозные и авторские традиции. Впервые в рамках одного исследования сопоставляются его проявления в таких разных культурных пластах, как фольклорные произведения, оды XVIII века и поэзия «тихих лириков» XX столетия. Применяются методы историко-литературного, сравнительного и семантического анализа, что позволяет выявить устойчивые коннотации этого образа (свет, детская невинность, жертвенность, противостояние хаосу) и их вариации в разные эпохи.

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы при изучении русской поэзии в контексте духовных традиций, а также в курсах, посвященных взаимодействию литературы и Православия. Кроме того, предложенный подход открывает возможности для дальнейшего анализа образов-констант русской культуры, таких как «святая Русь», «праведник» или «тишина».

Таким образом, обращение к теме чистой души в русской поэзии позволяет не только глубже понять эстетические и философские искания авторов, но и выявить непрерывную связь между народным благочестием, церковной традицией и авторским творчеством, что особенно важно в условиях современного поиска национальной культурной идентичности.

Фольклорные истоки образа чистой души

Русскую литературу нередко называют «литературой души», т.е. литературой, обращенной к душе человека, его внутреннему миру. Из этой обращенности проистекают и все остальные свойства – акцент на преображении героя, стремление увидеть в грешном чело-

веке образ Божий, исповедальный настрой, аксиологические константы – соборность, софийность; особое внимание к поиску смысла жизни, уверенность в бессмертии – «нет, весь я не умру...».

Сама же душа воспринимается как некоторое вместилище внутренних состояний. В отличие от духа, который в русской лингвистической картине мира представляет скорее некую нематериальную субстанцию, своего рода ореол, душа подобна невидимому органу, локализованному где-то в груди и «заведующему» внутренней жизнью человека. «Если душа человека формирует его личность, будучи вместилищем его сокровенных мыслей и чувств, то дух составляет его внутренний стержень» [Зализняк, 2005, с. 139].

Особое внимание к душе наблюдается и в народном творчестве. «Хоть мошна пуста, да душа чиста», «Душа чиста, как родниковая вода», – говорится в русских пословицах. В духовных стихах поется о том, как душа, расставшись с телом, идет на Страшный суд. А в лубках, начиная с XVII века, пользовался популярностью сюжет по мотивам «Притчи о душе праведной». Непорочная дева, символ чистоты и праведности, приукрашена всеми добродетелями, «стоит выше солнца, и луна под ногами ея». Один из лубков так и называется «Душа чистая» (Рис. 1).

Его изобразительно-символический план составляют детали космического порядка: солнце, луна, звезды, а также дракон и орлиные крылья отсылают к Откровению Иоанна Богослова («И явилось на небе великое знамение: жена, облеченная в солнце; под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд... И даны были жене два крыла большого орла, чтобы она летела в пустыню в свое место от лица змия и там питалась в продолжение времени, времен и полвремени» (Откр. 12). Тем самым значение души возводится к величественным и страшным знамениям мира, но не к частным переживаниям и мимолетным впечатлениям. Она напрямую связана с тайной конца земного времени, с тайной вечности. Общее ощущение от картины – светлое и радостное. Чистая душа, вознесенная на недосягаемую высоту, победила искушения змия.

Древнерусская литература: чистота как святость

В древнерусской литературе также присутствует тема чистоты и чистой души. В «Слове о Законе и благодати» подчёркивается, что

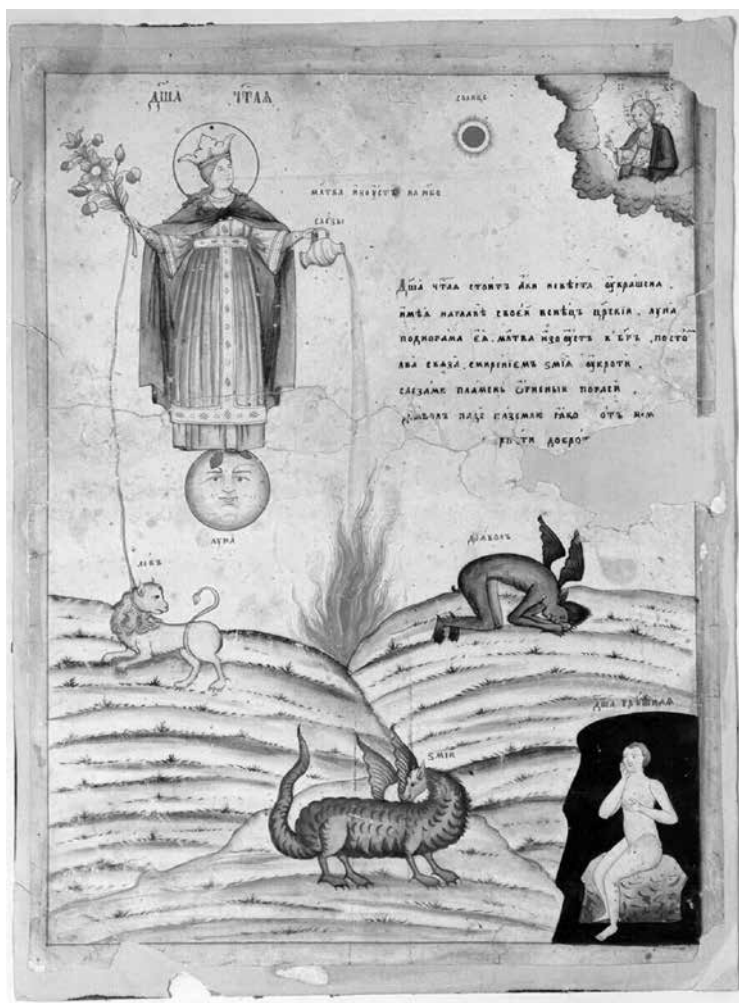

Рисунок 1. Лубок «Душа чистая»

источник чистоты – Христос. «Христос слепых у них сделал зрячими, прокаженных очистил, согбенных выпрямил, бесноватых исцелил, расслабленных укрепил, мертвых воскресил» (Иларион Киевский, 2025). В житии святых князей Бориса и Глеба гибель кротких братьев называется жертвой Господу, чистой и благоуханной: «И принесеса Господеву жертва чиста и благовоньна» (Цит. по: Гудзий, 1973, с. 48). В «Повести о Петре и Февронии Муромских» Ермолая-Еразма чистосердечие князя оказывается самым первым и необходимым условием для исцеления. «Да приведеши князя твоего семо. Аще будет мяхкосерд и смирен в ответех да будеть здрав!» (Цит. по: Гудзий, 1973,

с. 243). Подчеркнем, чистое сердце и смирение – вот на что, прежде всего, указывает Феврония, а вовсе не выдвигает требование жениться, как нередко это представляют в пересказах.

Слова про сердце применимы и к душе, поскольку душа «находится где-то в груди» и отвечает за внутреннее состояние. Таким образом, в древнерусской литературе вокруг образа чистой души строится система духовных координат, где чистота есть путь к спасению, а ее утрата равнозначна гибели. Чистота души связана со смирением и отказом от гордыни, с готовностью принять мученичество. Ключевые особенности чистой души проявляются и в подвиге юродивых, которые через добровольное безумие отвергают мир: как, например, блаженный Прокопий Устюжский, в житии которого говорится, что «при видимом скудоумии» он сохранил «мудрость и чистоту сердца» (Праведный Прокопий..., 2025).

Связь чистоты сердца и мудрости, конечно, не случайна, но взаимообусловлена. По мнению исследователей, внутренней чистотой отличался и князь Владимир Мономах, составивший поучение детям. «Седя на санехъ, помыслехъ в души своей и похвалихъ Бога иже мя сихъ дней грешнаго допровади» (Цит. по: Гудзий, 1973, с. 35) – такими словами начинается «Почтение». Из этой мысли, из сердечного предстояния человека перед Вечностью развивается всё дальнейшее повествование.

XVIII век: одическая традиция

Подобный род исповедальности, вбирающий ощущения скоротечности жизни и благодарности Богу, окажется близким и русской поэзии.

Например, Державин завершает оду «На смерть князя Мещерского» такими словами:

*Сей день иль завтра умереть,
Перфильев! должно нам конечно, —
Почто ж терзаться и скорбеть,
Что смертный друг твой жил не вечно?
Жизнь есть небес мгновенный дар;
Устрой ее себе к покою
И с чистою твоей душою
Благословляй судеб удар* (Державин, 1817, с. 115).

Отметим тематическую связку: чистая душа не ропщет, но благословляет «судеб удар». Само же благодарение происходит в контексте размышления о суетности и быстротечности жизни. Такой же настрой прослеживается и в творчестве Ломоносова – особенно в «Оде, избранной из Иова», концовка которой почти тождественна финальным строкам оды Державина:

*Сие, о смертный, рассуждая,
Представь Зиждителяву власть,
Святую волю почитая,
Имей свою в терпеньи часть.
Он всё на пользу нашу строит,
Казнит кого или покоют.
В надежду тяготу сноси
И без роптания проси* (Ломоносов, 1965, с. 219).

Хотя словосочетание «чистая душа» напрямую у Ломоносова не упоминается, думается, не будет ошибкой предположить, что состояние внутренней чистоты подразумевается и в этом примере.

Тем самым, «чистая душа» в древнерусской литературе и поэзии XVIII века описывалась как определенное духовно-нравственное состояние, соотносимое с заповедями блаженства: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5, 8). По толкованию святителя Николая Сербского, «сердце очищается верой, надеждой и любовью, страхом Божиим и ожиданием смерти и Страшного Суда Божьего, изумлением перед тварями, созданными величием и могуществом Всевышнего, испытанием Промысла Божьего, терпением и кротостью, да и многим другим» (Николай Сербский, 2011, с. 29). Подчеркнем, в одах и Ломоносова, и Державина исходным импульсом поэтического размышления, очищающим душу, стало «изумление перед тварями», созданными Богом, а также ожидание смерти и Страшного Суда. Святитель Николай Сербский продолжает: «Но даже если сердце человека очистится всеми этими средствами, в нем все же остается запах земли, греха и смерти, и присутствует до тех пор, пока Дух Святой, как ветер с поднебесных высот, не проветрит его и, как молния, не наполнит Своим озоном» (Николай Сербский, 2011, с. 29). Получается, что чистота души – это не столько психологическое, сколько онтологическое состояние.

Только Божественная благодать может преобразить и очистить душу. Этот второй аспект также будем иметь в виду при анализе поэзии уже XX века.

XIX век: внимание к детской чистоте

Характерно, что в поэзии XVIII–XIX веков «чистая душа» звучала чаще по отношению к ближнему. Тот же Державин в стихотворении «На кончину великой княжны Ольги Павловны» – девочке, умершей во младенчестве, – указывает:

*Вижу блаженну
Чистую душу
Всю из огня,
В свет облеченну:
В райскую кущу
Идет дитя...* (Державин, 1817, с. 219).

Или Пушкин в стихотворении «Мой друг, забыты мной следы минувших лет» обращается к собеседнице:

*Душа твоя чиста; унынье чуждо ей;
Светла, как ясный день, младенческая совесть*
(Пушкин, 1997, с. 52).

И в том, и в другом примере «чистая душа» связана с детским, даже младенческим миром. Ср.: «В райскую кущу идет дитя» и «младенческая совесть». Общим оказывается и мотив света. «В свет облеченну» у Державина и «Светла, как ясный день» у Пушкина. Подобный мотив, связь чистоты и детства, встречается и в зарубежной литературе – в «Песнях невинности» Блейка Ангел говорит маленькому трубочисту: «Будь чистым душой! И Бог, как отец, встанет рядом с тобой». <...> «Трудящийся честно пред Господом чист» (Блейк, 1978). Переклички лирического сюжета русской и зарубежной поэзии свидетельствуют об общности видения – детский мир воспринимается чистым, еще не замутненным грехами и страстями.

XX век: чистота как духовное сопротивление

Если в творчестве авторов XIX века мотив чистой души скорее растворен в разнообразных лирических настроениях и описаниях, нередко подразумевается, но не обозначается прямо – как знаковое состояние, – то в XX веке словосочетание «чистая душа» становится максимально сконцентрированным и выраженным; обретает интонацию призыва, причем обращенного на внутреннее «я» лирического героя.

Займствование некоторых мотивов, связанных с чистой душой, будет актуально для поэтов-символистов Серебряного века, творческие озарения которых восходят к средневековой катарской ереси, лирике трубадуров Прованса и «Божественной комедии» Данте, воспевшего Беатриче. Однако это уже другая традиция и, во многом, другой тип чистоты. Наша же задача – проследить классическую «ветвь» в трактовке «чистой души», которая идет от фольклора, древнерусской литературы и через поэзию Ломоносова, Державина и нечастые упоминания в стихах XIX века выводит к «тихим лирикам» века XX, когда сама тема, неожиданно оформившись, становится знаковой. Теперь уже поэты пишут не про другого, не про ребенка, чистого душой, но соотносят состояние чистоты с личным, сокровенным, нередко непререкаемым, опытом – откровением, возведенным на уровень пророчества и утверждения:

*До конца,
До тихого креста
Пусть душа
Останется чиста! <...>
Пусть она
Останется чиста
До конца,
До смертного креста!* (Рубцов, 2007, с. 139–140)

Эти строки из стихотворения «До конца» Николая Рубцова стали пламенным манифестом, обращенным и к современникам, и ко всем нам.

«Поверьте мне: я чист душою...» – восклицает автор в стихотворении «В осеннем лесу» (Рубцов, 1971, с. 80).

«...окунись, душа, в чистую волну...» – звучит призывно в «Восьмистишьях» (Рубцов, 2007, с. 253). Сохраняется и традиционное

значение – использование сочетания «чистая душа» по отношению к другому или в связи с детским началом души.

Например, в стихотворении «Последняя ночь», посвященном памяти Дмитрия Кедрина:

*Поэт, бывало, скажет слово
В любой компании чужой, –
Его уж любят, как святого,
Кристально чистого душой* (Рубцов, 1971, с. 37).

Или в стихотворении «Прощальный костер»:

*Душа свои не помнит годы,
Так по-младенчески чиста,
Как говорящие уста
Нас окружающей природы...* (Рубцов, 2007, с. 87).

Можно было бы говорить о сугубо рубцовском образе, специфике его авторского взгляда, если бы не удивительный факт. Подобный ракурс, усиление прямого высказывания про чистую душу встречается и у других поэтов XX века – причем далеких от Рубцова по своему жизненному и творческому опыту.

Владимир Набоков, писатель, происходивший из старинного дворянского рода, с детства владеющий тремя языками, в 19 лет писал:

*Цветет миндаль на перекрестке,
Мерцает дымка над горой,
Бегут серебряные блески
По глади моря голубой.*

*Щебечут птицы вдохновенней,
Вечнозеленый ярче лист.
Блажен, кто в этот день весенний
Воскликнет искренно: «Я чист!»* (1918 г.) (Набоков, 1991, с. 25).

Не его ли призыв слышал спустя полвека Николай Рубцов? Ведь утверждение о самом себе – «поверьте мне: я чист душой» – звучит не как самоутверждение, но как сокровенная тайна, связан-

ная с блаженством. Набоков создает весенний морской пейзаж, лирический герой Рубцова гуляет в осеннем лесу. Несмотря на разное время года и разную природу, оба стихотворения проникнуты ощущением радости, красоты и света. И у Набокова, и у Рубцова природа сияет. «Серебряные блески» с мерцающей дымкой в первом случае, «сияние небес» – во втором. Совпадает даже то внимание, которое поэты обратили на лист. «Вечнозеленый ярче лист», – замечает Набоков. «... я хотел бы превратиться Или в багряный тихий лист, Иль в дождевой веселый свист», – мечтает Рубцов. И всё же есть различие в творческих мирах: некая отстраненность присутствует в стихотворении Набокова. Несмотря на царящее в природе вдохновение, его лирический герой остается в стороне. Он не бросается в теплое море, не погружает свое лицо в цветы миндаля; он занимает место не участника, но внимательного наблюдателя. Остается неизвестным: будет ли он способен к столь искреннему восклицанию. Лирический герой Рубцова не таков. Подобно ребенку, он пробует мир на вкус. Лежит на животе, валяется на спине, ест бруснику, пугает ящериц. Стремится стать листом, дождем и вернуться домой. И все с тем, чтобы в конце воскликнуть о чистоте души, состоянии, дарованном ему свыше, как благодати.

Быть может, состояние душевной чистоты связано с природным миром, светлым и гармоничным, более того – обусловлено им?

Творчество другого поэта XX века, Александра Солодовникова, свидетельствует, что «чистота души» не зависит от внешних обстоятельств. Наверное, в истории литературы сложно найти поэта, судьба которого складывалась бы столь трагично. После революции Солодовников пережил аресты, ссылки, смерть единственных своих малолетних детей, дочери и сына. Восемь лет лагерей на Колыме, где в тяжелейших условиях он работал бурильщиком. Долгое время не то что море или лес, но даже какая-нибудь простая улочка не были достижимы его взору. И вот какое стихотворение открывает Тюремный цикл 1920-х годов:

*Святися, святися
тюрьмой, душа моя,
стань чище нарцисса,
свежее ручья,
оденься, омойся,*

*пучечки трав развесь,
как домик на Троицу
в березках весь.*

*Темница чем жестче
суровой и темней,
тем солнечней в роще
души моей.*

*Чем яростней крики
и толще прут в окне,
тем льнут повилики
нежнее ко мне (Солодовников, 2010, с. 89).*

Внутренний свет и чистота души даются по контрасту с миром внешним. Солнечная роща, наполненная цветами и прохладой, открывается в душе того, кто любит Бога и доверяет Ему. В этом стихотворении обращают на себя внимание и символы, через которые выражается чистота души: нарцисс и ручей. В античной мифе, рассказанном Овидием, нарцисс являлся символом самовлюблённости. «Однако в христианской иконографии он может фигурировать в изображениях земного рая, а также в сюжете Благовещения Пресвятой Богородицы, что означает победу Божественной любви и вечной жизни над грехом, эгоизмом и смертью» [Кортунова, 2025, с. 72]. Все эти детали переводят лирический сюжет в измерение рая.

Образ чистой души встречается и в творчестве других поэтов. Символом чистоты может быть снег – как у иеромонаха Романа (Матюшина):

*На земле такая тишь —
Божья Благодать!
А в селе один малыш,
Не с кем поиграть. <...>
Словно в сказке иль во сне —
Так легко дышать!
Чистый воздух, чистый снег,
Чистая душа! (Роман (Матюшин), 2025а).*

В стихотворении вновь прослеживается классическая линия воплощения чистоты в мире ребенка. Или в другом стихотворении:

*Всё добро, если совесть чиста!
Погляжу, прикоснусь – не сорву!
...Пред заснеженной веткой куста
Благодарно склоняю главу* (Роман (Матюшин), 2025b).

Как отмечает исследовательница Марина Новицкая, у иеромонаха Романа «снежная русская зима – свидетельство непостижимой Божественной Чистоты». В стихах «заснеженные ветки» и «тишина» символизируют молитвенное состояние души, очищенной от суеты [Новицкая, 2025].

Про «чистый стержень души» пишет поэт Юрий Кузнецов (2007, с. 44). Он же упоминает «чистую юность» в стихотворении «Выходя на дорогу, душа оглянулась» (Кузнецов, 2007, с. 595). А поэт Вячеслав Богданов не без грусти уточняет:

*У нас дела и помыслы – чисты.
Живём пока и в мире, и достатке...* (Богданов, 2005, с. 116).

Образ чистой души представлен в русской поэзии разнообразно. Однако, несмотря на богатство вариаций, прослеживаются и постоянные значения. Как и в древнерусской словесности, состояние чистой души поэты связывают со смирением и благодарностью Богу. Это не кратковременное настроение, но озарение, случившееся по ту сторону земных дорог. Не случайно Николай Рубцов желает, чтобы душа осталась чистой – «до конца, до смертного креста».

По какой причине именно в XX веке увеличилось внимание к образу чистой души, причем с перенесением акцента и на внутренний мир автора? Возможно, тем самым поэты классической традиции отреагировали на растущее расчеловечивание и обезличивание техногенной цивилизации. С другой стороны, они стали говорить более прямо, не скрываясь более за поэтической аллегорией.

Заключение

Образ «чистой души» предстает в русской литературе не просто как устойчивый мотив, но как сакральный стержень национально-культурного кода. Его эволюция от свойства святости в житиях («чистая и благоуханная жертва» Бориса и Глеба) и характеристики «другого» (младенца, праведника) в классицизме и романтизме – к глубоко личному, исповедальному и даже манифестарному утверждению в поэзии XX века («Поверьте мне: я чист душою!» Рубцова, «Святися, святися тюрьмой, душа моя...» Солодовникова) – знаменует важнейший сдвиг.

Чистота души перестает быть исключительно уделом мучеников или младенцев, а становится внутренней крепостью, сознательно выстраиваемой и отстаиваемой личностью в самых страшных условиях истории (революции, лагеря, дегуманизация мира). Для поэтов XX века, особенно «тихих лириков» и религиозных авторов, чистота души предполагает героическое усилие самого человека, его духовный выбор и акт сопротивления распаду. Рубцовский манифест, солодовниковское преображение тюрьмы в «солнечную рощу» души, набоковское весеннее «Я чист!» (пусть и с отстраненностью) – все это голоса поэтов-столпников, утверждающих чистоту как последний оплот человеческого перед лицом бездны. Они сохранили и развили фольклорную и литературную традиции: смирение и благодарность Богу теперь неразрывно сплетены с личной ответственностью и мужеством хранить «чистый стержень» (Кузнецов) «до смертного креста» (Рубцов). В этом – их ответ на вызовы эпохи и непреходящее значение образа «чистой души» как нравственного императива русской словесности.

Список источников

1. Блейк В. Стихи / пер. с англ.; сост., вступит. статья и коммент. А. Зверева. Москва : Худож. лит., 1978. 325 с.
2. Богданов В. Звонящий полдень. Избранная лирика. Москва : У Никитских ворот, 2005. 144 с.
3. Гудзий Н. К. Хрестоматия по древней русской литературе : учебное пособие для студентов педагогических институтов по специальности № 2101 «Русский язык и литература» / науч. ред. Н. Н. Прокофьев. 8-е изд. Москва : Просвещение, 1973. 528 с.

4. *Державин Г. Р.* Лирика Державина, или Избранные его стихотворения / Державин. Москва : В университетской типографии, 1817. 398 с.
5. *Иларион Киевский, свт.* Слово о законе и благодати / пер. А. Белицкой. // Азбука веры : православный портал. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Illarion_Kievskij/slovo_o_zakone_i_blagodati/#source (дата обращения: 16.07.2025).
6. *Кузнецов Ю. П.* Прозрение во тьме: поэзия и проза. Краснодар : Кубанькино, 2007. 608 с.
7. *Ломоносов М. В.* Избранные произведения / сост. А. А. Морозов. Большая серия, второе издание. Москва ; Ленинград : Советский писатель, 1965. 580 с.
8. *Роман (Матюшин), иером.* «Всё радостнее звёзды к Рождеству...» : подборка стихотворений // Ветрово : сайт, посвященный творчеству иеромонаха Романа. URL: <https://vetrovo.ru/selected/rozhdestvo-podborka/> (дата обращения: 16.07.2025а).
9. *Роман (Матюшин), иером.* «Как не петь в богозданном краю?» : новые стихи // Православие RU : православный портал. URL: <https://pravoslavie.ru/60022.html> (дата обращения: 16.07.2025б).
10. *Набоков В. В.* Стихотворения и поэмы / сост., вступ. ст., подгот. текстов и примеч. В. С. Федорова. Москва : Современник, 1991. 574 с.
11. *Праведный Прокопий Устюжский, Христа ради юродивый* // Азбука веры : православный портал. URL: <https://azbyka.ru/days/sv-prokopij-ustjuzhskij> (дата обращения: 16.07.2025).
12. *Пушкин А. С.* Стихотворения Александра Пушкина / подгот. Л. С. Сидяков, отв. ред.: М. Лотман, С. А. Фомичев. Санкт-Петербург : Наука, 1997. 640 с.
13. *Рубцов Н. М.* «В горнице моей светло...» : стихотворения. Москва : Прогресс-Плеяда, 2007. 544 с.
14. *Рубцов Н. М.* «Зеленые цветы». Москва : Советский писатель, 1971. 144 с.
15. *Николай Сербский, свт.* Толкование Заповедей блаженства: девять уровней райской пирамиды / пер. с серб. Н. Феофановой. Клин : Христианская жизнь, 2011. 48 с. (Основы христианской веры).
16. *Солодовников А. А.* «...В светлом саду христианства» : полное собрание стихотворений. Пьесы. Ноты. Воспоминания о поэте : мультимедийный диск / составление, статьи, комментарии Е. Е. Данилов, А. П. Шпакова. Москва : Граф и К°, 2010. 1062 с.

Список литературы

1. *Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.* Дух, душа и тело в свете данных русского языка // Ключевые идеи русской языковой кар-

тины мира : сборник статей. Москва : Языки славянской культуры, 2005. С. 133–153.

2. *Кортунова Н. Д.* Знаки, символы и аллегории в живописи. Москва : АСТ, 2025. 224 с.

3. *Новицкая М.* Времена года и православный календарь в поэзии иеромонаха Романа (Матюшина) // Ветрово : сайт, посвященный творчеству иеромонаха Романа. URL: <https://vetrovo.ru/poetry/razbor/novitskaya-poeziya-ieromonaha-romana> (дата обращения: 16.07.2025).

Статья поступила в редакцию 27.06.2025.

Статья поступила после рецензирования 08.07.2025.

Статья принята к публикации 22.07.2025.

UDC 398

THE IMAGE OF A PURE SOUL IN RUSSIAN POETRY

Anastasiya Chernova

PhD in Philology, Associate Professor

Philology Department

Perevinskaya Theological Seminary

Associate Professor

Literature Department

Moscow State University of Management and
Technology named after K. G. Razumovsky

(First Cossack University)

109383, Russia, Moscow

ul. Shosseynaya, 82, str. 1

E-mail: litsot@yandex.ru

For citation: Chernova A. E. The image of pure soul in Russian poetry
DOI: 10.51216/2687-072X_2025_3_235–253. EDN: LGYRSE // Theological
Collection of Tambov Theological Seminary. 2025, no. 3 (32). p. 235–253. (In
Russian)

Abstract

The image of a pure soul in Russian poetry is a stable moral ideal that goes back to folklore, Old Russian literature and the Christian tradition. The arti-

cle traces the evolution of this image from spiritual poems and hagiographic literature to the poetry of the 18th–20th centuries. In folklore, purity of soul is associated with righteousness and holiness, which is reflected in proverbs (“The soul is as pure as spring water”) and popular prints that refer to biblical images. In Old Russian literature, purity of soul is associated with humility, sacrifice and readiness to accept martyrdom, as in the lives of the holy princes-martyrs Boris and Gleb or “The Tale of Peter and Fevronia”.

In the poetry of the 18th century (Lomonosov, Derzhavin), a pure soul is understood in the context of the frailty of life and gratitude to God. In the 19th century, this motif is heard less often, mainly in connection with childish innocence (Pushkin). However, in the 20th century it gains new strength, becoming a personal confessional statement. For Nikolai Rubtsov, Vladimir Nabokov, Alexander Solodovnikov, Vyacheslav Bogdanov and Hieromonk Roman (Matyushin-Pravdin), purity of soul is no longer just an attribute of holiness or infancy, but a conscious spiritual choice, an inner core resisting the chaos of the modern era.

Particular attention is paid to the transformation of the image: from an external characteristic (“pure soul” as a property of another) to a deeply personal experience. In the context of historical catastrophes of the 20th century, poets see purity of soul as a form of resistance to dehumanization, which brings them closer to the tradition of ancient Russian ascetics. Thus, the image of a pure soul in Russian poetry is revealed as a key axiological constant of Russian culture, uniting evangelical ideals, folk wisdom and the author’s understanding of inner purity as the highest moral value.

Keywords: pure soul; Russian poetry; 20th century lyrics; Old Russian literature; moral ideal; Christian motives; confession.

Sources

1. Blake V. *Stikhi* [Poems]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1978, 325 p. (In Russian).
2. Bogdanov V. *Zvenyashchii polden’. Izbrannaya lirika* [Ringling noon. Selected lyrics]. Moscow, U Nikitskikh Vorot Publ., 2005, 144 p. (In Russian).
3. Gudziy N. K. *Khrestomatiya po drevnei russkoi literature* [Reader on Old Russian Literature]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1973, 528 p. (In Russian).
4. Derzhavin G. R. *Lira Derzhavina, ili Izbrannye ego stikhotvoreniya* [Derzhavin’s lyre, or his selected poems]. Moscow, University Printing House Publ., 1817, 398 p. (In Russian).

5. St. Hilarion of Kiev Slovo o zakone i blagodati [Word on law and grace]. *Pravoslavnyi portal Azbuka very* [Orthodox Portal “ABC of Faith”]. (In Russian). Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Illarion_Kievskij/slovo_o_zakone_i_blagodati/#source (accessed: 16.07.2025).

6. Kuznetsov Yu. P. *Prozrenie vo t'me: poeziya i proza* [Insight into the darkness: poetry and prose]. Krasnodar, Kubankino Publ., 2007, 608 p. (In Russian).

7. Lomonosov M. V. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow, Leningrad, Sovetsky Pisatel Publ., 1965, 580 p. (In Russian).

8. Roman (Matyushin), Hieromonk “Vse radostnee zvezdy k Rozhdestvu...” [“The stars are ever more joyful for Christmas...”]. *Sait, posvyashchennyi tvorchestvu ieromonakha Romana “Vetrovo”* [Vetrovo, a website dedicated to the works of Hieromonk Roman]. (In Russian). Available at: <https://vetrovo.ru/selected/rozhdestvo-podborka/> (accessed: 16.07.2025a).

9. Roman (Matyushin), Hieromonk “Kak ne pet’ v bogozdannom krayu?” [“How can one not sing in a God-created land?”]. *Pravoslavnyi portal “Pravoslavie RU”* [Orthodox Portal Pravoslavie RU]. (In Russian). Available at: <https://pravoslavie.ru/60022.html> (accessed: 16.07.2025b).

10. Nabokov V. V. *Stikhotvoreniya i poemny* [Verses and poems]. Moscow, Sovremennik Publ., 1991, 574 p. (In Russian).

11. Pravednyi Prokopii Ustyuzhskii, Khrista radi yurodivyi [Righteous Procopius of Ustyug, fool for Christ’s sake]. *Pravoslavnyi portal “Azbuka very”* [Orthodox Portal “ABC of Faith”]. (In Russian). Available at: <https://azbyka.ru/days/sv-prokopij-ustjuzhskij> (accessed: 16.07.2025).

12. Pushkin A. S. *Stikhotvoreniya Aleksandra Pushkina* [Poems by Alexander Pushkin]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997, 640 p. (In Russian).

13. Rubtsov N. M. “*V gornitse moei svetlo...*” [“It’s light in my upper room...”]. Moscow, Progress-Pleiades Publ., 2007, 544 p. (In Russian).

14. Rubtsov N. M. “*Zelenye tsvety*” [“Green flowers”]. Moscow, Sovetsky Pisatel Publ., 1971, 144 p. (In Russian).

15. St. Nikolay Serbsky *Tolkovanie Zapovedei blazhenstva: devyat’ urovnei raiskoi piramidy* [Interpretation of the Beatitudes: nine levels of the Paradise Pyramid]. Klin, Christian Life Publ., 2011, 48 p. (In Russian).

16. Solodovnikov A. A. “*...V svetlom sadu khristianstva*” [“...In the bright garden of Christianity”]. Moscow, Graf i K° Publ., 2010, 1062 p. (In Russian).

References

1. Zaliznyak A. A., Levontina I. B., Shmelev A. D. Dukh, dusha i telo v svete dannyykh russkogo yazyka [Spirit, soul and body in the light of Russian language data]. *Sbornik statei “Klyuchevye idei russkoi yazykovoi kartiny mira”* [Collection

of Articles “Key Ideas of the Russian Language Picture of the World”]. Moscow, Languages of Slavic Culture Publ., 2005, pp. 133–153. (In Russian).

2. Kortunova N. D. *Znaki, simvoly i allegorii v zhivopisi* [Signs, symbols and allegories in painting]. Moscow, AST Publ., 2025, 224 p. (In Russian).

3. Novitskaya M. Vremena goda i pravoslavnyi kalendar' v poezii ieromonakha Romana (Matyushina) [Seasons and the Orthodox calendar in the poetry of Hieromonk Roman (Matyushin)]. *Sait, posvyashchennyi tvorchestvu ieromonakha Romana “Vetrovo”* [Website dedicated to the work of Hieromonk Roman “Vetrovo”]. (In Russian). Available at: <https://vetrovo.ru/poetry/razbor/novitskaya-poeziya-ieromonaha-romana> (accessed: 16.07.2025).

Received 27 June 2025.

Reviewed 08 July 2025.

Accepted for press 22 July 2025.